

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 2 (57)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Багашев А.Н., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:

Молодин В.И. (председатель), акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бужилова А.П., акад. РАН, д.и.н., НИИ и музей антропологии МГУ им М.В. Ломоносова;
Головнев А.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера);
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Васильев С.В., д.и.н., Ин-т этнологии и антропологии РАН; Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия);
Рындина О.М., д.и.н., Томский госуниверситет; Томилов Н.А., д.и.н., Омский госуниверситет;
Хлахула И., Dr. hab., университет им. Адама Мицкевича в Познани (Польша);
Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США); Чиндина Л.А., д.и.н., Томский госуниверситет;
Чистов Ю.К., д.и.н., Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера)

Редакционная коллегия:

Агапов М.Г., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Аношко О.М., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Валь Й., PhD, Общ-во охраны памятников Штутгарта (Германия);
Дегтярева А.Д., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Зими́на О.Ю. (зам. главного редактора), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Ключева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, ун-т Тулузы, проф. (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Лискевич Н.А. (ответ. секретарь), к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Пошехонова О.Е., ТюмНЦ СО РАН; Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625026, Тюмень, ул. Малыгина, д. 86, телефон: (345-2) 406-360, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: <http://www.ipdn.ru>

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2022

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (57)
2022**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Bagashev A.N., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Editorial board members:

Molodin V.I. (chairman), member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Buzhilova A.P., member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of History,
Institute and Museum Anthropology University of Moscow
Golovnev A.V., corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut, Germany
Chindina L.A., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Chistov Yu.K., Doctor of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Hanks B., PhD, Professor, University of Pittsburgh, USA
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki, Finland
Ryndina O.M., Doctor of History, Professor, University of Tomsk
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk
Vasilyev S.V., Doctor of History, Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Editorial staff:

Agapov M.G., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Anoshko O.M., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse, France
Degtyareva A.D., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu, Estonia
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology RAS
Liskevich N.A. (senior secretary), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York, USA
Pinhasi R. PhD, Professor, University College Dublin, Ireland
Poshekhonova O.E., Tyumen Scientific Centre SB RAS
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege, Germany
Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS
Zimina O.Yu. (sub-editor-in-chief), Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS

Address: Malygin St., 86, Tyumen, 625026, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: <http://www.ipdn.ru>

АРХЕОЛОГИЯ

<https://doi.org/10.20874/2071-0437-2022-57-2-1>

Шорин А.Ф.* , Шорина А.А.

Институт истории и археологии УрО РАН,
ул. С. Ковалевской, 16, Екатеринбург, 620990
E-mail: shorin_af@mail.ru (Шорин А.Ф.); aashor@mail.ru (Шорина А.А.)

ИСТОРИОГРАФИЯ НЕОЛИТА ЗАУРАЛЬЯ: КОЗЛОВСКАЯ И ПОЛУДЕНСКАЯ КУЛЬТУРЫ

Дана авторская оценка основным этапам истории изучения козловской и полуденской неолитических культур Зауралья с периода их выделения на рубеже 60–70-х гг. XX в. до современности. Отмечено, что на современном этапе их изучения, с 90-х гг. XX в., на новой источниковой базе основные положения концепций, высказанных ранее, развиваются либо подвергнуты принципиальному пересмотру.

Ключевые слова: Зауралье, неолит, козловская и полуденская культуры, история изучения.

Введение

Неолитическая эпоха Зауралья характеризуется последовательной сменой четырех основных археологических культур: раннеолитических кошкинской и козловской, позднеолитических боборыкинской и полуденской. Историография кошкинской и боборыкинской культур, включая памятники басыановского типа, уже подвергнута анализу [Ковалева, 1989; Ковалева, Зырянова, 2008а, 2010, с. 9–24; Шорин, 2020; Шорин, Шорина, 2021]; козловской же и полуденской — изложена только на уровне представлений о неолите Зауралья, сформировавшихся на 80-е гг. XX в. [Ковалева, 1989, с. 6–16]. Устранение этого историографического пробела и является целью данной статьи. Ставится задача через анализ работ, вышедших по козловской и полуденской проблематике, раскрыть суть основных концепций, освещающих разные аспекты развития этих культур.

Формирование первых концепций по неолиту Зауралья

Напомним вкратце основные концептуальные положения, выдвинутые на *первом этапе* (рубеж 60–70-х гг.) изучения неолитических культур В.Н. Чернецовым и О.Н. Бадером.

В.Н. Чернецов предложил трехфазовую периодизацию неолита Зауралья в рамках единой культуры. Раннюю фазу, козловскую, сменила юрьинско-горбуновская; заключительная же названа честыягской или «гребенчатой». Исследователь пока на ограниченном материале нескольких стоянок дал анализ материальной культуры этих фаз. В обработке камня выделен типичный для первой фазы орудийный набор: концевые скребки, как на широких пластинах с изогнутым профилем, так и миниатюрные круглые на сегментах пластин, пластинки с боковыми выемками, с затупленными краями, проколки, острия, пластинчатые наконечники стрел разных типов с ведущей формой с боковой выемкой (кельтеминарского типа). Резцовая техника использовалась, но наблюдалась ее деградация. Однако сохранение мезолитических традиций в кремневом инвентаре, как и отнесение части костяной индустрии зауральских торфяников к козловской фазе, у исследователя сомнения не вызывало [Чернецов, 1968, с. 44–47]. Главным же индикатором этой фазы, как и других, явился керамический комплекс. Козловские сосуды с округло-приостренным дном с грубым утолщением с внутренней стороны устья сплошь покрыты орнаментом в отступающе-накольчатой и прочерченной технике. Гребенчатый штамп использовался только для нанесения второстепенных подсобных орнаментов. При доминировании горизонтальной зональности применялось также вертикальное и диагональное деление орнаментальных подзон, в том числе геометрическими фигурами: треугольниками, заштрихованные в различных направлениях, и пр. Это придавало керамике «исключительно своеобразный и эффектный вид» [Чернецов, 1968, с. 47–48].

Культуру юрьинско-горбуновской фазы В.Н. Чернецов охарактеризовал кратко, перечислив только некоторые черты, позволявшие считать ее продолжением козловской фазы развития. В

* Corresponding author.

кремневой индустрии при сохранении пластинчатой техники исчезают такие архаичные формы, как трапеции, резцы и наконечники с боковой выемкой. Появляются довольно грубо оббитые тесла, оббитые и частично ретушированные наконечники копий, чопперовидные орудия из расколотых галек, шлифованные орудия из зеленокаменных пород (они могли существовать и ранее) и др. При сохранении круглого дна на посуде утолщение с внутренней стороны опускается ниже, превращаясь в мягко очерченный наплыв. При использовании отступающе-накольчатой возрастает роль гребенчатой техники нанесения узоров; наиболее распространенными становятся ряды треугольников, заштрихованные в разных направлениях. Эта фаза, с учетом радиоуглеродной даты стоянки Стрелка Горбуновского торфяника, отнесена к концу IV тыс. до н.э. или рубежу IV–III, а козловская, следовательно, — ко второй половине IV тыс. до н.э. [Чернецов, 1968, с. 48]. (Работы, вышедшие из печати до начала нашего столетия, содержали даты без калиброванных значений.)

В.Н. Чернецов видел определенную близость материальной культуры этих двух фаз зауральского неолита с Закаспием (кельтеминарская культура), выделяя широкий ареал (этнокультурную общность), населенный родственными этническими группами, контактировавшими между собой в течение ряда тысячелетий [1968, с. 52].

О.Н. Бадер занял близкую с В.Н. Чернецовым позицию в интерпретации зауральских неолитических материалов [Бадер, 1970]. Разделив неолит Урала на две историко-культурные области: западноуральскую, или камско-волжскую, и восточноуральскую, или обско-уральскую, О.Н. Бадер выделил в последней четыре стадии эволюции, но термин «фаза» заменил на более привычный «этап». Сохранив название раннего как козловского, исследователь вполне аргументированно отказался от терминов «юринско-горбуновский» и «честыягский», заменив их на «полуденский» и «сосновоостровский». Заключительным этапом зауральского неолита он посчитал липчинский [Бадер, 1970, с. 157–159]. Все эти термины, как и «козловский», прочно вошли в лексикон зауральской археологии, характеризуя важные культурные образования неолитической эпохи. Правда, липчинские комплексы впоследствии были отнесены к энеолиту, а сосновоостровские существовали в эпоху позднего неолита — раннего энеолита. На определенный историографический период в литературе прочно утвердился не только термин «восточноуральская историко-культурная область», но и «восточноуральская культура» [Бадер, 1970, с. 157–159].

Выделенные О.Н. Бадером особенности материальной культуры козловского этапа в целом совпадали с той характеристикой, что была представлена в статье В.Н. Чернецова. Пожалуй, только в керамическом производстве, особенно северной группы памятников, большее внимание акцентировано на двух аспектах. Первый — узор в виде поясков, состоящих из образованных зигзагами треугольников, заполненных густыми параллельными линиями, направление которых в смежных треугольниках всегда различно. Второй — обычай схематических скульптурных изображений головок животных с ушками, глазами и ртом вдоль бортика сосуда, ниже которых нередко нанесена вертикальная разделительная полоска [Бадер, 1970, с. 159, 161]. Как и В.Н. Чернецов, О.Н. Бадер подчеркивал присваивающий характер экономики козловского населения, основанной на сочетании рыболовства и охоты как древнейшей формы хозяйства в Северной Азии [Бадер, 1970, с. 157–159]. Были внесены коррективы в датировку этого этапа восточноуральской культуры; начало его отнесено к 4000 лет до н.э. Подчеркивая сходство зауральских материалов начального этапа неолита с Закаспием (кельтеминаром) и даже заимствование с южных территорий определенных навыков и культурных традиций (умение изготавливать глиняную посуду и ее конкретные формы, кремневые наконечники стрел с зубцом у острия и некоторые другие культурные элементы), О.Н. Бадер, в отличие от В.Н. Чернецова, акцентировал внимание на определяющее участие местного населения в формировании восточноуральской культуры. Он аргументированно показал явные черты сходства мезолитической и раннеэнеолитической кремневой индустрии; то есть, «переход от мезолита к неолиту произошел у первобытных уральцев в результате развятия на месте, под влиянием родственных им южных соседей...» [Бадер, 1970, с. 157–159].

Полуденский этап был назван по стоянке Полуденка I, которая, по мнению О.Н. Бадера, дала более чистый комплекс второго этапа восточноуральского неолита, чем многослойные памятники Горбуновского торфяника и Юрьинское поселение. Характеристика керамики этого этапа была дополнена новыми чертами, такими как появление орнамента в виде «шагающей гребенки» и зубчатой ромбической решетки, а каменной индустрии — появлением топоров-тесел с выступами, шлифованных тесел, кинжалов и наконечников стрел, а также кремневых наконечников с большей вариацией типов: листовидные, подромбические и с намечающимся черешком. С этим же этапом исследователь соотносил и несколько жилищ-полуземлянок на Андреевском озере (пункт VIII) и сто-

Историография неолита Зауралья: козловская и полуденская культуры

янке Полуденка I. Датирован был этап, в том числе с привлечением той же радиоуглеродной даты со стоянки Стрелка, концом IV — первой третью III тыс. до н.э. [Бадер, 1970, с. 162].

Подробно была охарактеризована культура третьего, сосновоостровского, этапа, названного по материалам верхнего слоя стоянки Сосновый Остров, исследованной в 1968 г. [Викторова, 1968], как и четвертого, липчинского [Бадер, 1970, с. 162–164]. Но этот анализ мы пропускаем, так как эти этапы (культуры) не являются предметом исследования данной статьи.

Таким образом, главное, на наш взгляд, — то, что после работ В.Н. Чернецова и О.Н. Бадера в зауральскую историографию прочно вошли основные культурные типы памятников эпохи неолита: козловский, полуденский, сосновоостровский. Обозначены маркеры материальной культуры каждого из этих образований, тем самым указаны четкие ориентиры отнесения новых памятников к тому или иному из этих культурных типов. Намечены векторы решения вопросов хозяйственной, социальной, расовой и этнической интерпретации зауральских материалов неолитической эпохи [Бадер, 1970, с. 169–170; 1972; Чернецов, 1973].

В 70–80-е гг. схема Чернецова — Бадера стала основой для дальнейшего изучения зауральского неолита. На материалах вновь исследованных памятников продолжали прорабатываться ее главные положения и критиковались некоторые отдельные аспекты. В частности, Г.Н. Матюшин и В.Ф. Старков аргументировали связь наконечников кельтеминарского типа не с эпохой раннего неолита, а с энеолитом [Матюшин, 1975; Старков, 1980, с. 16–17]. Раскопки эпонимного памятника Козлов Мыс I показали наличие здесь слоя не только козловского, но и полуденского этапа, а также эпохи энеолита (шапкульская культура) [Юровская, 1975], что также ставило под сомнение связь единственного наконечника с боковой выемкой из раскопок В.Н. Чернецова с козловской фазой.

Пополнение источниковой базы по неолиту лесного Зауралья происходило за счет как раскопок новых поселений, в том числе содержащих жилые постройки, так и переосмысления стратиграфии уже введенных в научный оборот памятников. Так, были показаны многослойность и неоднородность керамических комплексов эпонимного памятника Полуденка I [Раушенбах, 1959] и, правда уже в начале XXI в., поселения Евстюниха I. По радиоуглеродным датам, полученным по керамике, возраст последнего памятника, где эта евстюнихинская посуда залегала совместно с полуденской, был определен в калиброванных значениях второй половиной VI — первой четвертью V тыс. до н.э. [Герасименко, 2008, 2011]. Многослойными являлись и другие поселения. Они в разных соотношениях содержали как ранне-, так и поздненеолитические материалы [Кернер, 2016; Ковалева, 1989, с. 17–18; Старков, 1980, с. 63–64; Стефанов, 1991; Стефанова, 1991], может быть, за исключением небольшого козловского комплекса стоянки Уральские Зори II [Сериков, 1991].

Более фундаментальные проблемы в изучении мезолита и неолита лесного Зауралья решались в монографии В.Ф. Старкова [1980]. Трехэтапная периодизация, предложенная исследователем, фактически повторяла схему развития восточноуральской культуры, но в ней почему-то не использовались те названия фаз или этапов, что были предложены В.Н. Чернецовым и О.Н. Бадером. Ранний этап по В.Ф. Старкову характеризовался волнисто-накольчатой керамикой и пластинчатым микролитическим кремневым инвентарем и был датирован концом V — серединой IV тыс. до н.э. (некалиброванная шкала). В развитом неолите, во второй половине IV тыс. до н.э., доминировала волнисто-гребенчатая керамика и увеличилась доля двухсторонне обработанных орудий. Поздний неолит, первой половины III тыс. до н.э., характеризовался керамикой с гребенчатой орнаментацией и преобладанием двухсторонне обработанных и шлифованных орудий. Эта финальная стадия неолита непосредственно предшествовала появлению во второй половине III тыс. до н.э. ранних энеолитических памятников с первыми металлическими изделиями [Старков, 1980, с. 77–79, 190–198].

Дополняя характеристику керамики и кремневого инвентаря раннего этапа восточноуральской культуры, данную предшественниками, В.Ф. Старков, на наш взгляд, отметил еще ряд ее принципиальных черт. Это крайне ограниченное употребление печатного гребенчатого штампа; его оттиски выполняли только роль разделителей орнаментальных зон, в декоре последних использовалась отступающе-накольчатая техника; узор в виде «взаимопроникающих треугольников» вовсе не доминировал на посуде раннего этапа, он встречается только на единичных сосудах; микролитические орудия, составлявшие основу ранних комплексов, имели несомненное сходство с орудиями предшествующей, мезолитической эпохи, к тому же они изготовлены из тех же пород кремня. Практически не употреблялись на раннем этапе шлифованные орудия [Старков, 1980, с. 80–90]. То есть, местная мезолитическая основа в раннеэнеолитических комплексах очевидна.

Углубленному анализу подвернуты типологические особенности керамического комплекса и второго этапа. Хотя исследователь осознавал идентичность этого комплекса с полуденским и даже в одной статье называл его полуденковским [Старков, 1973, с. 16–17]¹, он предпочитал использовать для обозначения этой посуды термин «волнисто-гребенчатая керамика», не только показав ее связь по всем основным признакам с керамикой предшествующего этапа неолита, но и раскрыв ее отличительные черты. Это увеличение доли гребенчатой техники, как в печатной, так и в «шагающей» и «волнисто-проташенной» манере. Нередко для нанесения узора в такой волнисто-прочерченной манере использовался двузубый штамп (раздвоенная палочка). Хотя узоры, выполненные гребенчатым штампом, как правило многозубым с относительно широкими зубцами, играли все же подчиненную роль в сравнении с теми, что нанесены в отступающе-накольчатой манере. Получил широкое развитие узор в виде горизонтальных взаимопроникающих геометрических зон (треугольников, прямоугольников, ромбов) [Старков, 1980, с. 93–112].

В каменной индустрии второго этапа отмечено заметное уменьшение доли орудий на мелких пластинах и их сечениях, преобладание орудий на отщепках, увеличение числа крупных двухсторонне обработанных и шлифованных орудий [Старков, 1980, с. 112–113]. С этим же этапом были связаны жилища каркасно-столбовой конструкции площадью до 25 м², раскопанные на пяти поселениях, в которых проживало по 4–7 чел., т.е. малая семья [Старков, 1980, с. 112–113, 169–175, 183–184]. Хозяйство неолитического и энеолитического населения реконструировано как присваивающее, с доминантой охоты на крупных копытных (лося и оленя), боровую и водоплавающую птицу в сочетании с сетевым рыболовством и собирательством [Старков, 1980, с. 185–189].

Второй этап: концепция В.Т. Ковалевой

Вехой в историографии неолита Зауралья стала работа В.Т. Ковалевой, опубликованная в 1989 г., в которой изложена новая, принципиально отличная от предшествующих, концепция развития неолита [1989]. Она положила начало *второму этапу* изучения анализируемых неолитических культур. Основанием для пересмотра эволюционного развития зауральского неолита в рамках единой восточноуральской культуры послужило выделение в регионе в конце 50-х — начале 70-х гг. XX в. двух новых археологических культур — боборыкинской и кошкинской, своеобразия которых по мере их изучения по отношению к козловской и полуденской стало очевидным. Это позволило исследователю отказаться от утвердившегося в историографии мнения о культурном единстве неолита Зауралья и обосновать в нем две линии развития. Они сложились уже на раннем этапе: кошкинская и козловская группы памятников — и отчетливо проявлялись в позднем неолите: боборыкинская и полуденская культуры [Ковалева, 1989, с. 15–16]. Сосновоостровскому этапу, в отличие от концепции О.Н. Бадера, был придан статус особого типа керамики с преимущественно гребенчатой орнаментацией, который существовал в конце неолита — начале энеолита [Ковалева, Чаиркина, 1991, с. 54]. Эти сменяющие друг друга этапы отражали сложность исторических и этнических процессов, различные направления связей, векторов миграционных процессов и пр.

Мы в этой новой концепции, исходя из предмета исследования, принципиально важной полагаем информацию о двух культурных явлениях: козловском и полуденском. Их В.Т. Ковалева считала генетически связанными, и ареал памятников этих культур определен лесным Зауральем и южнотаежной зоной Западной Сибири, а также примыкающей северной кромкой лесостепи. Расширен анализ поселений и жилищ этих культур. Большинство козловских поселений являлись многослойными, нередко на них — Махтыли, Кокшаровский холм и Юрьинское поселение, Полуденка I, II, Евстюниха I, Исетское Правобережное I, Сосновый Остров и др. — козловскому сопутствует полуденский комплекс. Не одно из них полностью не раскопано, поэтому количество одновременно функционировавших жилищ не установлено. На ряде поселений исследованы остатки одного, редко — трех². Это прямоугольные полуземлянки площадью 37–40 м² глубиной котлованов от уровня древней поверхности до 0,8 м (современной — до 1,5 м) со ступенчатым входом и довольно длинным коридором. Фиксируются, обычно в центре, очаги открытого кострового типа. В одном из двух жилищ на поселении Ташково I рядом с очагом рас-

¹ Попутно заметим, что нам уже приходилось обращать внимание на разное правописание этого термина (см.: [Шорин, Шорина, 2020, с. 32]). Следуя обозначению, введенному впервые О.Н. Бадером, т.е. историографической традиции, считаем, что правильно употреблять для обозначения этого археологического явления термин «полуденский», а не «полуденковский».

² Только на поселении Исетское Правобережное I сейчас выявлено 13, видимо не одновременных, неолитических жилищ [Кернер, 2011].

Историография неолита Зауралья: козловская и полуденская культуры

копаны зольник и материковый останец — «стол», к одному из них примыкала яма, видимо хозяйственная [Ковалева, 1989, с. 20, 28–39, 43–46].

Конечно же, отличительные признаки обоих культурных образований кроются в особенностях декоративно-морфологического оформления посуды. Подчеркивая в целом те же основные характеристики козловского и полуденского керамических комплексов, как в форме, так и орнаментации, что выделили ее предшественники, В.Т. Ковалева попыталась обосновать эволюцию орнаментально-технических особенностей как козловской, так и полуденской традиции. В целом, определяя козловскую керамику как прочерчено-накольчатую, она все же усматривает приоритет технического приема — прочерчивания над отступающе-накольчатой техникой; обращает внимание также, что хотя зубчатый штамп и является ранним приемом орнаментации, но в целом печатно-гребенчатая техника для этой культуры не характерна. Отмечено сплошное заполнение внешней поверхности сосуда орнаментальными композициями с доминирующей разбивкой орнаментального поля на горизонтальные зоны с использованием вертикальной разбивки подзон в верхней части сосуда и на дне. Есть орнамент и с внутренней стороны горловины сосуда, где нередко фиксируется плавный низко опущенный наплыв. В орнаментах отмечено частое употребление ямочных наколов, особенно на горловине, заполнение горизонтальных зон тулова волнистыми линиями, украшение дна емкости более сложными мотивами. Редкими орнаментами на посуде этого типа являются разнозаштрихованные треугольники, вертикальные линии, ромбическая сетка [Ковалева, 1989, с. 20–21, 46–47]. Вслед за О.Н. Бадером, пристальное внимание В.Т. Ковалева обратила на анализ сосудов с рельефными налестками. Расширен круг памятников; это прежде всего так называемые богатые бугры, видимо культовые [Старков, 1969], где отмечены фрагменты таких сосудов: Кокшаровский, Махтыльский и Усть-Вагильский, на р. Полуденке. Выделены две группы таких рельефных изображений: а) изображение головы птицы или зверя с ушками, приподнятыми над краем сосуда, иногда ямками обозначены даже глаза и клюв; б) головки на сосудах с прямым краем и дополнительными деталями тела, выполненными графически. Вслед за авторами первой публикации поселения Евстюниха I [Россадович и др., 1976], принятого тогда за однослойное, к козловской культуре В.Т. Ковалева отнесла и редкие для неолита Зауралья скульптурные изображения — керамическую фигуру птицы, видимо, семейства тетеревиных и каменную голову лося.

Подробному анализу подвергнута эволюция полуденского керамического комплекса. Подчеркнуто, что на керамике этого типа наряду с гребенчатыми приемами орнаментации использовались и прочерченно-накольчатые, и сформулированы основные тенденции в развитии орнаментики на позднем этапе зауральского неолита. При сохранении доминирующего на раннем этапе неолита резцового орнаментира (им наносился узор на глину путем гладкого прочерчивания, а также методом отступания палочки без отрыва от глиняной поверхности, но с периодическим ее нажимом) и использования дискретных ямочных наколов, все большее значение в орнаментации посуды на этом этапе приобретает гребенчатый штамп. Но узоры наносились чаще не дискретным вдавливанием его в глину, а способом движения его по поверхности сосуда. То есть, гребенчатый штамп, как и палочка, употреблялся в качестве движущего орнаментира. В результате этого появились такие орнаменты, как волнисто-гребенчатый (протащенная гребенка) и шагающая гребенка. Увеличивалась в орнаментации полуденской посуды и роль штампованных оттисков гребенки. Характеристика каменной индустрии козловской и полуденской культур в условиях многослойности подавляющего большинства зауральских памятников вызвала определенные трудности. Вслед за авторами раскопок поселения Евстюниха I [Россадович и др., 1976, с. 187–188], В.Т. Ковалева писала об использовании в неолитической индустрии этого памятника более крупных, чем в мезолите, пластин и отщепов. В козловском слое поселения Ташково I отмечены наличие призматических и конических нуклеусов для скалывания ведущей заготовки памятника — пластины, в том числе микропластины, и малочисленность орудий на отщепах и шлифованных. В полуденское время исчезают мезолитические традиции, пластинчатая техника расщепления камня постепенно утрачивает ведущую роль, хотя в южных районах Среднего Зауралья она сохраняется дольше. Широкое распространение новой техники обработки камня — абразивной позволило неолитическому населению значительно расширить ассортимент изделий из видов сырья. Развитыми были и приемы обработки камня и дерева. На материалах торфяниковых стоянок Горбуновского торфяника В.Т. Ковалева с неолитической стадией связывает изделия из кости и рога — гарпуны, шилья, рыболовные крючки, мотыги, а из дерева — обломки ковшей, колотушки, поплавки для сетей, однополосные сани [1989, с. 46].

Хозяйство неолитического населения, по В.Т. Ковалевой, остается присваивающим с сочетанием двух ведущих отраслей: рыболовства и охоты. Первое было как коллективным: запорным и сетевым, так и индивидуальным: ужение, битье рыбы гарпунами и пр. Охотились на медведя, оленя, дикую козу, бобра, белку, различных птиц как индивидуально с помощью дистанционных средств боя (лук, копья, дротики и пр.) и пассивных способов (силки, самострелы, ловчие ямы и пр.), так и, особенно на лося, коллективно, в том числе при помощи «огородов» [Ковалева, 1989, с. 60–61].

Наличие некалиброванных абсолютных дат позволило В.Т. Ковалевой отнести козловскую группу памятников к первой половине V, а полуденские комплексы — к IV тыс. до н.э. [1989, с. 40–41, 47, 62]. Материальная культура козловского типа, по мнению исследователя, являлась автохтонной, так как наблюдается генетическая ее преемственность как с предшествующей мезолитической, так и с последующей полуденской. Хотя идея изготовления керамики, а возможно, и ранние приемы орнаментации могли быть восприняты у населения южных регионов Северной Евразии — степных районов от Прикаспия до Казахстана, где она стала изготавливаться раньше. Но в то же время в козловских комплексах прослеживается больше автохтонных черт, нежели в кошкинских; у последних южный импульс, а может быть, даже прямая инфильтрация пришлых групп в местную среду кажутся более очевидными. На позднем этапе неолита усиливаются связи приуральского (прикамского хуторского) населения с зауральским полуденским. Формирующиеся в энеолите Среднего Зауралья новые культуры, особенно липчинская и аятская, наследуют многие черты лесных неолитических культур региона [Ковалева, 1989, с. 26, 41–42, 47, 62–63].

Хотя работа В.Т. Ковалевой написана в формате «учебного пособия к спецкурсу», изложенное именно в этой работе новое концептуальное понимание неолита Зауралья во многом стимулировало накопление и осмысление знаний по рассматриваемой эпохе на дальнейшем, *третьем этапе* исследований.

Основные концепции изучения козловской и полуденской культур на современном этапе

В 90-е гг. XX и в первое десятилетие XXI в. на материалах памятников Тюменского Притоболья оригинальные концепции развития лесного неолита пытались обосновать тюменские археологи. В докладе, прочитанном на полевом симпозиуме, проводившемся в 1991 г. на Андреевском озере, Л.А. Дрябина и В.И. Асташкин на материалах семи жилищ поселения ЮАО-XV, которые они первоначально сочли одновременными, высказали предположение, что на этапе, предшествующем полуденскому, в неолите Зауралья сосуществовали две орнаментальные традиции: прочерченно-накольчатая (козловская) и гребенчатая, но отличная от поздненеолитической сосновоостровской [Потемкина, Ковалева, 1993, с. 257]. С опорой на те же материалы поселения ЮАО-XV В.И. Асташкин предпринял попытку объединить неолитические памятники Среднего Зауралья, сложившиеся на основе местного мезолита, в рамках одной — козловской культуры с тремя этапами развития: евстюнихинским, козловским и полуденским [1993]. Дискуссионность высказанных положений аргументированно обсуждена в статье В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой. В этой же статье авторы дополняют взгляды на особенности козловской культуры, уточняя отличительные признаки ее керамики, подчеркивают многокомпонентный характер сложения культуры, включая влияние на ее формирование комплексов южных культур: кельтеминарской, орловской, аргументируют раннеолитический ее возраст и пр. [Ковалева, Зырянова, 2008b].

В.А. Зах и Н.П. Матвеева при анализе поселения «8-й пункт» со ссылкой также на материалы поселений Дуванское V, Юртобор 3, Гилево VIII пришли к выводу о синхронности в Притоболье местной гребенчатой (они назвали ее сосновоостровской) и пришлой прочерченно-накольчатой (боборыкинской) традиций [Зах, Матвеева, 1997, с. 3–8]. Это вызвало возражение у В.Т. Ковалевой и С.Ю. Зыряновой, которые указали на «единичные и далеко не бесспорные стратиграфические наблюдения на многослойном поселении «8-й пункт — ЮАО-18» [2001, с. 47]. Но свою точку зрения В.А. Зах, а также его коллега Е.Н. Волков отстаивали и позднее [Зах, 2003, с. 22–27; Волков, 1999]. Утверждая, что гребенчатая орнаментальная традиция появляется уже в раннем неолите, В.А. Зах в монографии 2009 г. и других работах связал ее все же не с сосновоостровской культурой (последнюю он помещает за полуденской) и отметил, что гребенчатые узоры встречаются также в боборыкинских и кошкинских комплексах. Присутствие в отступающе-прочерченных комплексах раннего неолита посуды с гребенчатой орнаментацией, видимо, отражало, по его мнению, формирование гребенчатой орнаментальной традиции на

Историография неолита Зауралья: козловская и полуденская культуры

местной основе. Она возникла как имитация швов, которые скрепляли листы бересты при изготовлении посуды. Эта имитация и породила постепенно гребенчатый орнамент [Зах, 2009, с. 184–194; Зах, Исаев, 2010, с. 12–13]. В отличие от концепции В.И. Асташкина, козловские и полуденские материалы Притоболья объединены не в козловскую, а в полуденковскую (правописание В.А. Заха) культуру, которая отнесена к позднему неолиту [Зах, 2009, с. 149, 257, 266–268, 273–280, рис. 115–117]. Ей предшествовала раннеолитическая боборыкинская культура с двумя этапами развития: собственно боборыкинским и кошкинским [Зах, 2009, с. 149–184]. Как единый комплекс на материалах поселения Мергень 7 Нижнего Приишимья козловские и полуденские древности трактует и Д.Н. Еньшин. Это поселение отдалено более чем на 300 км от основного (Исетско-Тобольского) ареала козловских и полуденских памятников, маркирует их восточную границу, и в нем проявляется влияние и степной (казахстанской) маханджарской культуры. В калибровочных значениях серии радиоуглеродных дат памятник датирован серединой — второй половиной V тыс. до н.э. и условно соотносится с поздним этапом существования козловских поселений в Зауралье [Еньшин, 2015].

С 1995 г. под руководством А.Ф. Шорина велись раскопки Кокшаровского холма, расположенного в центре Юрьинского поселения. Они дали коллекцию всех культурных типов неолитических артефактов, известных в Зауралье: кошкинских, козловских, боборыкинских, полуденских. Были выделены два новых типа посуды; в рамках козловских древностей керамика кокшаровско-юрьинского типа, а боборыкинских — лесной басьяновский ее вариант [Шорин, 2000, 2001]. Кокшаровско-юрьинский керамический комплекс в основных чертах идентичен козловскому в понимании В.Н. Чернецова. Но на Кокшаровском холме он содержит самое большое среди памятников Евразии число сосудов с рельефными налепами (на сегодня не менее чем 89 сосудов), значительная часть которых является кокшаровско-юрьинскими, меньше — кошкинскими и единичные — полуденскими [Шорин, Шорина, 2016]. Эти сосуды наряду с другими маркерами были одним из аргументов в обосновании статуса Кокшаровского холма как крупного межрегионального святилища [Шорин, 2010]. Анализ стратиграфического и планиграфического распределения керамических комплексов Кокшаровского холма, а также 54 радиоуглеродные даты, полученные по разным основаниям, позволили надежно обосновать хроностратиграфию неолитических комплексов памятника [Шорин, Шорина, 2011, 2018]. Самыми ранними были кошкинские комплексы, которые отложились на святилище во второй половине или в самом начале третьей четверти VII тыс. до н.э.; чуть позже, но не позднее начала VI тыс. до н.э. возникли кокшаровско-юрьинские. Они сосуществовали здесь параллельно с кошкинскими весь раннеолитический период до рубежа VI–V, а может быть, и начала первой четверти V тыс. до н.э. Сменившие их позднеолитические полуденские комплексы, совместно с басьяновскими, функционировали на святилище до третьей — последней четверти V тыс. до н.э. [Шорин, Шорина, 2018, с. 106]. Проведенный анализ 66 радиоуглеродных дат, опубликованных на 2019 г., определил хронологические рамки козловских, в том числе кокшаровско-юрьинских и евстюнихинских, комплексов интервалом от конца VII — первой четверти VI тыс. до н.э. до первой половины (а может, и чуть раньше) V тыс. до н.э. Причем евстюнихинские комплексы имели в этой хронологической шкале более поздний возраст: в интервале середины VI — первой четверти V тыс. до н.э. Это сняло вопрос об их раннеолитическом возрасте. Полуденские же комплексы функционировали в период с последней четверти VI — рубежа VI–V до третьей четверти V тыс. до н.э. [Шорин, Шорина, 2020, с. 37–42]. (Все даты приведены в калиброванных значениях.) На материалах Кокшаровского холма обосновано взаимодействие в раннем неолите кокшаровско-юрьинских и кошкинских коллективов, вероятно связанных экзогамными отношениями, а также генетическая связь позднеолитического полуденского комплекса с кокшаровско-юрьинским и сосуществование полуденских и басьяновских коллективов. Именно на полуденском этапе наряду с отступающе-накольчатой все большее значение приобретает гребенчатая традиция орнаментации посуды, особенно гребенка в движении: проташенная, шагающая. А с эпохи энеолита гребенчатая традиция, чаще печатная, становится определяющей вплоть до появления в регионе гончарной посуды [Шорин, Шорина, 2019].

Изучение неолитических памятников Южного Зауралья, проводившееся с конца XX в. В.С. Мосиным, привело последнего к выводу о возможности выделения здесь особой — чебаркульской культуры. Основная масса керамики этой культуры, как заметил сам автор, близка, а в некоторых чертах и идентична полуденской Среднего Зауралья. Две эти культуры В.С. Мосин считал возможным объединить в одну культурно-историческую общность эпохи неолита [2000,

с. 139–141, 145–148]. Но в последующих статьях для обозначения этой культурной традиции автор употребляет все же только термин «полуденская» [Мосин, 2014 и др.]. Раскопки памятника Кордон Миассово 1, расположенного в том же районе горно-лесного Южного Зауралья менее чем в 20 км от стоянок Чебаркуль I и II, послуживших В.С. Мосину эпонимами для введения в научный оборот термина «чебаркульская культура», наряду с другими культурными типами, дали и небольшой неолитический комплекс, который авторы данной статьи однозначно интерпретировали как полуденский [Шорина, Шорин, 2015, с. 21–22, рис. 2, 1, 3–5, 7]³.

С опорой на радиоуглеродную хронологию и специфику материальной культуры основных археологических образований Зауралья, В.С. Мосин счел возможным выделить в неолите региона единое социокультурное пространство (социальную систему — сеть), представленное на раннем этапе (6000–4700 гг. до н.э.) кошкинской и козловской культурными традициями (социумами, определенным количеством резидентных групп, общин), а на позднем (5000–3950 гг. до н.э.) — басьяновско-боборыкинскими и полуденскими, занимавшими общую территорию предгорий восточных склонов Урала и зауральской лесостепи и активно взаимодействующими между собой. Они на каждом этапе были объединены отношениями родства, свойства, обмена, возможно, общей мифологией и другими коммуникативными связями, что позволяло им развиваться и в условиях нередких природных катаклизмов. Территориальные и социальные границы этих социумов при отсутствии здесь серьезных географических барьеров не были жесткими, поэтому традиции «пограничных» резидентных групп могли носить синкретичный (в археологическом понимании) характер [Мосин, 2014].

Заключение

Подводя итог истории изучения козловских и полуденских древностей Зауралья, следует отметить, что одни положения концепции культурно-генетической эволюции неолитических комплексов Зауралья, предложенные ранее, подтверждены и новейшими исследованиями, другие не выдержали проверку временем. По мере раскопок новых памятников и внедрения в археологию междисциплинарных исследований с использованием естественнонаучных методов, особенно радиоуглеродного датирования, активно продвинулось решение вопросов абсолютной хронологии культурных комплексов, а на основе этого их эволюции, взаимосвязей, взаимовлияний и т.п. Но в силу специфики источниковой базы региона только в общих чертах могут решаться вопросы культурной специфики орудийного набора из камня и иных материалов, погребального обряда, уровня социального развития первобытных коллективов, их духовной культуры, этногенеза и пр. Прорыв здесь если и возможен, то в будущих исследованиях на более совершенной междисциплинарной научно-методической и приборной базе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Асташкин В.И. Орнаментальные традиции и некоторые проблемы культурной эволюции в неолите Зауралья // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. 2: Археология и изучение культурных процессов и явлений. СПб., 1993. С. 54–59.

Бадер О.Н. Уральский неолит // МИА. 1970. № 166. С. 157–171.

Бадер О.Н. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой // Проблемы археологии и древней истории угров. М.: Наука, 1972. С. 10–31.

Викторова В.Д. Сосновый Остров — стоянка эпохи неолита и бронзы Среднего Зауралья // СА. 1968. № 4. С. 161–173.

Волков Е.Н. К проблеме периодизации неолита Среднего Зауралья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. № 2. С. 10–13.

Герасименко А.А. Характеристика керамики поселения Евстюниха I // ВАУ. 2008. Вып. 25. С. 44–72.

Герасименко А.А. Радиоуглеродные даты с поселений Евстюниха I и Полуденка I // ВАУ. 2011. Вып. 26. С. 236.

Еньшин Д.Н. Керамический комплекс поселения Мергень 7 (Нижнее Приишимье): Характеристика и интерпретация // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 15–27.

Зах В.А. Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. Тюмень: Изд-во ИПС СО РАН, 2003. 168 с.

Зах В.А. Хроностратиграфия неолита и раннего металла лесного Тоболо-Ишимья. Новосибирск: Наука, 2009. 320 с.

Зах В.А., Исаев Д.Н. Ранняя керамика и формирование гребенчатой и гребенчато-ямочной традиции в неолите Тоболо-Ишимья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 1 (12). С. 4–13.

³ Можно отметить только небольшое отличие от аналогичных среднеуральских материалов: это нанесение на южнозауральской полуденской керамике орнамента преимущественно не средне-, а мелкогребенчатым штампом.

Историография неолита Зауралья: козловская и полуденская культуры

Зах В.А., Матвеева Н.М. Поселение «8-й пункт» на Андреевском озере: (О соотношении керамики с различными орнаментальными традициями в неолите Притоболья) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1997. № 1. С. 3–8.

Кернер В.Ф. Керамика эпохи раннего неолита в верховьях Исети // Шестые Берсовские чтения. Екатеринбург: Квадрат, 2011. С. 56–62.

Кернер В.Ф. Категория очень малых сосудов поселения Исетское Правобережное I (эпоха неолита) // Седьмые Берсовские чтения. Екатеринбург: Квадрат, 2016. С. 55–60.

Ковалева В.Т. Неолит Среднего Зауралья. Свердловск: УрГУ, 1989. 80 с.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолитические культуры Среднего Зауралья: Генезис, соотношение, взаимодействие // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2001. С. 46–56.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Историография и обзор основных памятников кошкинской культуры Среднего Зауралья // ВАУ. 2008а. Вып. 25. С. 73–113.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Продолжение дискуссии о зауральском неолите // ВАУ. 2008b. Вып. 25. С. 30–43.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург: Учебная книга, 2010. 308 с.

Ковалева В.Т., Чаиркина Н.М. Этнокультурные и этногенетические процессы в Среднем Зауралье в конце каменного — начале бронзового века: Итоги и проблемы исследования // ВАУ. 1991. Вып. 20. С. 45–70.

Матюшин Г.Н. О наконечниках кельтеминарского типа на Урале // Памятники древнейшей истории Евразии. М.: Наука, 1975. С. 143–150.

Мосин В.С. Каменный век // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ. 2000. С. 21–148.

Мосин В.С. Неолит Зауралья: Хронология и социокультурное пространство // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. I. С. 317–321.

Потемкина Т.М., Ковалева В.Т. О некоторых актуальных проблемах неолита — ранней бронзы лесостепной и лесной зоны Урала // РА, 1993. № 1. С. 250–260.

Россадович А.И., Сериков Ю.Б., Старков В.Ф. Древнейшая скульптура лесного Зауралья // СА. 1976. № 4. С. 185–190.

Раушенбах В.М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы // Труды ГИМ, 1959. Вып. 29. 151 с.

Сериков Ю.Б. Уральские Зори II — однослойный неолитический памятник нового типа // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 32–45.

Старков В.Ф. О так называемых богатых буграх в лесном Зауралье // Вестник МГУ. Сер. ист. 1969. № 5. С. 72–81.

Старков В.Ф. О месте памятников с волнисто-гребенчатой керамикой в неолите Зауралья // ИИС. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1973. Вып. 7. С. 12–19.

Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М.: Наука, 1980. 220 с.

Стефанов В.И. Неолитическое поселение Дуванское V // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 144–160.

Стефанова Н.К. Исток IV — неолитический памятник Тюменского Притоболья // Неолитические памятники Урала. Свердловск: УрО АН СССР, 1991. С. 132–143.

Чернецов В.Н. К вопросу о сложении уральского неолита // История, археология и этнография Средней Азии. М.: Наука, 1968. С. 41–53.

Чернецов В.Н. Этно-культурные ареалы в лесной и субарктической зонах Евразии в эпоху неолита // Проблемы археологии Урала и Западной Сибири. М.: Наука, 1973. С. 10–17.

Шорин А.Ф. Стратиграфия и керамические комплексы Кокшаровского холма // РА. 2000. № 3. С. 88–101.

Шорин А.Ф. О двух новых вариантах неолитической керамики козловского и боборыкинских типов по материалам Кокшаровского холма // Проблемы изучения неолита Западной Сибири. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2001. С. 162–169.

Шорин А.Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: Маркеры сакрального пространства // УИВ. 2010. № 1 (26). С. 32–42.

Шорин А.Ф. Плоскодонная посуда эпохи неолита Зауралья и Западной Сибири: история формирования основных концепций ее изучения // Вестник НГУ. 2020. Т. 19. № 7: История, этнография. С. 125–138. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-125-138>

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3 (47). С. 70–77.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Кокшаровский холм: Неолитические сосуды с рельефными изображениями // УИВ. 2016. № 4 (53). С. 15–24.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Радиоуглеродное датирование неолитических комплексов Кокшаровского холма // УИВ. 2018. № 3 (60). С. 97–107.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Неолитические комплексы Кокшаровского холма: Генезис, этапы развития и культурная преемственность // Самарский научный вестник. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 262–268. <https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-12223>

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Миграции в неолите Зауралья в свете радиоуглеродной хронологии // *Stratum plus*. 2020. № 2. С. 31–56.

Шорин А.Ф., Шорина А.А. Басьяновский археологический комплекс эпохи неолита лесного Зауралья: История изучения // УИВ. 2021. № 1 (70). С. 136–148. [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1\(70\)-137-149](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1(70)-137-149)

Шорина А.А., Шорин А.Ф. Кордон Миассово 1 — новый многослойный памятник археологии в горно-лесной зоне Южного Зауралья // *Этнические взаимодействия на Южном Урале: Материалы VI Всерос. науч. конф.* Челябинск, 2015. С. 21–26.

Юровская В.Т. Неолитическое жилище на стоянке Козлов Мыс I // ВАН. 1975. Вып. 13. С. 86–91.

Shorin A.F.*, Shorina A.A.

Institute of History and Archeology, Ural Branch of RAS
S. Kovalevskaya st., 16, Yekaterinburg, 620990, Russian Federation
E-mail: shorin_af@mail.ru (Shorin A.F.); aashor@mail.ru (Shorina A.A.)

Historiography of the Neolithic Trans-Urals: the Kozlov and Poludenskaya Cultures

The paper concerns the analysis of the history of the study of the Kozlov and Poludenskaya Neolithic Cultures. The territory of distribution of these archaeological cultures from the end of the 7th to the third quarter of the 5th millennium BC encompassed the forest Trans-Urals and the southern taiga zone of Western Siberia, as well as the adjacent northern edge of the forest-steppe. The source base of the research is represented by a critical analysis of scientific publications touching upon the problems of the Neolithic period in the Trans-Urals, primarily those addressing the functioning of the Kozlov and Poludenskaya Cultures, since the appearance of the first scientific concepts to the present day. Three stages in the history of the study of the analyzed cultures have been identified. Although the first artifacts of the Neolithic era are known in the region since as early as the 1830s–1860s, the beginning of the development of first scientific concepts about the Neolithic period of the Trans-Urals (the first stage) is associated with publications of V.N. Chernetsov and O.N. Bader at the turn of the 1860s–1870s. These researchers contemplated the development of the Trans-Ural Neolithic period within the framework of a single East-Urals culture in three successive stages. V.N. Chernetsov introduced the concept of “the Kozlov phase” into scientific discourse as the early stage, followed by the Yuryinsko-Gorbusovskaya and Chestyyag phases. O.N. Bader retained the name of the early stage as the Kozlov stage, but replaced the designation of the other two with the terms “Poludenskaya” and “Sosnovostrovskaya” stages. A milestone in the historiography of the Neolithic period in the Trans-Urals was the monograph by V.T. Kovaleva published in 1989. Therein is introduced a new, fundamentally different from its predecessors, concept of the development of the Neolithic in the region. The researcher abandoned the view of the cultural unity of the Neolithic period in the Trans-Urals and substantiated two lines of development that had emerged already at the early stage — the Koshkino and Kozlov groups of archaeological sites — and which continued in the Late Neolithic as the Boborykino and Poludenskaya Cultures. Since then, the main ideas of V.T. Kovaleva's concept have been developing, or have been fundamentally revised on the basis of new sources compiled by the scientists.

Keywords: Trans-Urals, Neolithic, Kozlov and Poludenskaya Cultures, history of study.

REFERENCES

Astashkin, V.I. (1993). Ornamental traditions and some problems of cultural evolution in the Neolithic of the Trans-Urals. In: *Problemy kul'turogeneza i kul'turnoe nasledie. Chast' 2: Arkheologiya i izuchenie kul'turnykh protsessov i iavlenii*. St. Petersburg, 54–59. (Rus.).

Bader, O.N. (1970). The Ural Neolithic. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, (166), 157–171. (Rus.).

Bader, O.N. (1972). About the most ancient Finno-Ugrians in the Urals and the ancient Finns between the Urals and the Baltic. In: A.P. Smirnov (Ed.). *Problemy arkheologii i drevnei istorii ugrov*. Moscow: Nauka, 10–31. (Rus.).

Chernetsov, V.N. (1968). On the question of the addition of the Uralic Neolithic. In: *Istoriia, arkheologiya i etnografiia Srednei Azii*. Moscow: Nauka, 41–53. (Rus.).

Chernetsov, V.N. (1973). Ethno-cultural areas in the forest and subarctic zones of Eurasia in the Neolithic era. In: Smirnov A.P. (Ed.). *Problemy arkheologii Urala i Zapadnoi Sibiri*. Moscow: Nauka, 10–17. (Rus.).

En'shin, D.N. (2015). A pottery complex from the settlement of Mergen' 7 (Low Ishim Basin): Description and interpretation. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 15–27. (Rus.).

Gerasimenko, A.A. (2008). Characteristics of ceramics from the settlement of Evstyunikha I. *Voprosy arheologii Urala*, (25), 44–72. (Rus.).

Gerasimenko, A.A. (2011). Radiocarbon dates from the settlements of Evstyunikha I and Poludenka I. *Voprosy arkheologii Urala*, (26), 236. (Rus.).

Iurovskaia, V.T. (1975). Neolithic dwelling at the site of Kozlov Cape I. *Voprosy arkheologii Urala*, (13), 86–91. (Rus.).

* Corresponding author.

Историография неолита Зауралья: козловская и полуденская культуры

- Kerner, V.F. (2011). Early Neolithic Pottery in the Upper Iset'. In: V.D. Viktorova (Ed.). *Shestye Bersovskie chteniia*. Yekaterinburg: Kvadrat, 56–62. (Rus.).
- Kerner, V.F. (2016). The categories of very small pots of the Isetskoye Pravoberezhnoye 1 settlement: (The Neolithic period). In: V.D. Viktorova (Ed.). *Sed'mye Bersovskie chteniia*. Yekaterinburg: Kvadrat, 55–60. (Rus.).
- Kovaleva, V.T. (1989). *Neolithic in the Middle Trans-Urals*. Sverdlovsk: Ural'skii gosudarstvennyi universitet. (Rus.).
- Kovaleva, V.T., Chairkina, N.M. (1991). Ethnocultural and ethnogenetic processes in the Middle Trans-Urals at the end of the Stone Age — the beginning of the Bronze Age: Results and problems of research. *Voprosy arkheologii Urala*, (20), 45–70. (Rus.).
- Kovaleva, V.T., Zyrianova, S.Iu. (2001). Neolithic cultures in the Middle Trans-Urals: genesis, correlation, interaction. In: V.A. Zakh (Ed.). *Problemy izucheniia neolita Zapadnoi Sibiri*. Tiumen': Izdatel'stvo Instituta problem osvoeniia Severa, Sibirskoe otdelenie RAN, 46–56. (Rus.).
- Kovaleva, V.T., Zyrianova, S.Iu. (2008a). Historiography and review of the main archaeological sites of the Koshkino culture of the Middle Trans-Urals. *Voprosy arkheologii Urala*, (25), 73–113. (Rus.).
- Kovaleva, V.T., Zyrianova, S.Iu. (2008b). Continuation of the discussion about the Trans-Ural Neolithic. *Voprosy arkheologii Urala*, (25), 30–43. (Rus.).
- Kovaleva, V.T., Zyrianova, S.Iu. (2010). *Neolithic in the Middle Trans-Urals: the Boborykino Culture*. Yekaterinburg: Uchebnaia kniga. (Rus.).
- Matiushin, G.N. (1975). About Kelteminar-type handpieces in the Urals. In: P.M. Kozhin, L.V. Kol'cov, M.P. Zimina (Eds.). *Pamiatniki drevneishei istorii Evrazii*. Moscow: Nauka, 143–150. (Rus.).
- Mosin, V.S. (2000). The Stone Age. In: *Drevniaia istoriia luzhnogo Zaural'ia*. Chelyabinsk: Izdatel'stvo luzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta, 21–148. (Rus.).
- Mosin, V.S. (2014). The Neolithic in the Trans-Urals: chronology and socio-cultural space. In: A.G. Sitdikov, N.A. Makarov, A.P. Derevyanko (Eds.). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani. Tom I*. Kazan: Otechestvo, 317–321. (Rus.).
- Potemkina, T.M., Kovaleva, V.T. (1993). On some topical problems of the Neolithic — Early Bronze Age of the forest-steppe and forest zones of the Urals. *Rossiiskaia arkheologiya*, (1), 250–260. (Rus.).
- Raushenbakh, V.M. (1959). The Middle Trans-Urals in the Neolithic and the Bronze Age. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeia*, (29). (Rus.).
- Rossadovich, A.I., Serikov, Iu.B., Starkov, V.F. (1976). The oldest sculpture of the forest Trans-Urals. *Sovetskaia arkheologiya*, (4), 185–190. (Rus.).
- Serikov, Iu.B. (1991). The Uralskie Zori II — a single-layer neolithic monument of a new type. In: L.Ya. Kri-zhevskaiia (Ed.). *Neoliticheskie pamiatniki Urala*. Sverdlovsk: Ural'skoe otdelenie Akademii nauk SSSR, 32–45. (Rus.).
- Shorin, A.F. (2000). Stratigraphy and ceramic complexes of the Koksharov Hill. *Rossiiskaia arkheologiya*, (3), 88–101. (Rus.).
- Shorin, A.F. (2001). About two new variants of Neolithic ceramics of the Kozlov and the Boborykino types based on materials from the Koksharov Hill. In: Zakh V.A. (Ed.). *Problemy izucheniia neolita Zapadnoi Sibiri*. Tyumen': Institut problem osvoeniia Severa, Sibirskoe otdelenie RAN, 162–169. (Rus.).
- Shorin, A.F. (2010). Sacred place Koksharov Hill in the Middle-East Ural Region: Sacred space markers. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (1), 32–42. (Rus.).
- Shorin, A.F. (2020). Flat-bottomed ceramics of the Neolithic in the Trans-Urals and Western Siberia: The history of the formation of the basic concept of it's study. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia, etnografiia*, (7), 125–138. (Rus.). <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-7-125-138>
- Shorin, A.F., Shorina, A.A. (2011). Stratigraphy and relative chronology of the Neolithic assemblages at the Koksharovsky Kholm sanctuary. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii*, (3), 70–77. (Rus.).
- Shorin, A.F., Shorina, A.A. (2016). Koksharov Hill: Neolithic vessels with relief images. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (4), 15–24. (Rus.).
- Shorin, A.F., Shorina, A.A. (2018). Radiocarbon dating of the Koksharov Hill Neolithic complexes. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (3), 97–107. (Rus.).
- Shorin, A.F., Shorina, A.A. (2019). Neolithic complexes of the Koksharovsky Hill: Genesis, stages of development and cultural continuity. *Samarskii nauchnyi vestnik*, (2), 262–268. (Rus.). <https://doi.org/10.24411/2309-4370-2019-12223>
- Shorin, A.F., Shorina, A.A. (2020). Neolithic Trans-Ural migrations in the light of radiocarbon chronology. *Stratum plus*, (2), 31–56. (Rus.).
- Shorin, A.F., Shorina, A.A. (2021). Bas'anovo archaeological complex of the Neolithic in the forest Trans-Urals: The history of research. *Ural'skii istoricheskii vestnik*, (1), 136–148. (Rus.). [https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1\(70\)-137-149](https://doi.org/10.30759/1728-9718-2021-1(70)-137-149)
- Shorina, A.A., Shorin, A.F. (2015). Cordon Miassovo 1 — a new multilayer archaeological site in the mountain-forest zone of the Southern Trans-Urals. In: *Etnicheskie vzaimodeistviia na luzhnom Urale: Materialy VI Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Chelyabinsk, 21–26. (Rus.).
- Starkov, V.F. (1969). About the so-called rich hillocks in the forest Trans-Urals. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya istoricheskaiia*, (5), 72–81. (Rus.).

Шорин А.Ф., Шорина А.А.

Starkov, V.F. (1973). About the place of archaeological sites with wavy-comb ceramics in the Neolithic of the Trans-Urals. In: *Iz istorii Sibiri. Vypusk 7*. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 12–19. (Rus.).

Starkov, V.F. (1980). *Mesolithic and Neolithic of the forest Trans-Urals*. Moscow: Nauka. (Rus.).

Stefanov, V.I. (1991). Neolithic settlement Duvanskoe V. In: L.Ya. Krizhevskaja (Ed.). *Neoliticheskie pamiatniki Urala*. Sverdlovsk: Ural'skoe otdelenie Akademii nauk SSSR, 144–160. (Rus.).

Stefanova, N.K. (1991). Istok IV — the Neolithic archaeological site of the Tyumen Pre-Tobol region. In: L.Ya. Krizhevskaja (Ed.). *Neoliticheskie pamiatniki Urala*. Sverdlovsk: Ural'skoe otdelenie Akademii nauk SSSR, 132–143. (Rus.).

Viktorova, V.D. (1968). The Sosnovyi Ostrov — the Neolithic and the Bronze Age site in the Middle Trans-Urals. *Sovetskaja arkhologiiia*, (4), 161–173. (Rus.).

Volkov, E.N. (1999). On the problem of the Neolithic periodization of the Middle Trans-Urals. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 10–13. (Rus.).

Zakh, V.A. (2003). *The era of Neolithic and Early Metal of the forest-steppe near-Salair and the Ob region*. Tyumen: Izdatel'svo Instituta problem osvoeniia Severa, Sibirskoe otdelenie RAN. (Rus.).

Zakh, V.A. (2009). *Chronostratigraphy of the Neolithic and Early Metal of the forest part of the Tobol and Ishim river basins*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Zakh, V.A., Isaev, D.N. (2010). Early ceramics and the formation of the comb and comb-dimple tradition in the Neolithic of Tobol and Ishim. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 4–13. (Rus.).

Zakh, V.A., Matveeva, N.M. (1997). The settlement “8th point” on the Andreevskoye Lake: (On the relationship of ceramics with various ornamental traditions in the Neolithic period of the Tobol region. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 3–8. (Rus.).

Шорин А.Ф., <https://orcid.org/0000-0002-2353-6364>

Шорина А.А. <https://orcid.org/0000-0001-5888-760X>

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Accepted: 03.03.2022

Article is published: 15.06.2022